

Лилия Орланд

ЛЮБОВЬ
СО ВКУСОМ
ШОКОЛАДА

Лилия Орланд

Любовь со вкусом шоколада

«Лилия Орланд»

2021

Орланд Л.

Любовь со вкусом шоколада / Л. Орланд — «Лилия Орланд»,
2021

У нас с боссом своя история: я вылила на него суп в придорожном кафе, а он поклялся отравить мою жизнь. С тех пор каждый рабочий день – это маленькая война. Мы так привыкли строить козни друг другу, что вряд ли сможем остановиться... Или всё-таки победит любовь?

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	21
8	24
9	26
10	29
11	31
12	33
13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лилия Орланд

Любовь со вкусом шоколада

1

Красная «Астон Мартин» с огромной скоростью мчалась по шоссе. Она догоняла меня, всё увеличиваясь в зеркале заднего вида.

Я сильнее нажала на педаль газа, но мой старенький серебристый «фордик», разумеется, не мог сравниться в скорости с элитной спортивной машиной.

К тому же дорога здесь была прямой на многие километры, что также давало фору моему преследователю.

Я гнала по шоссе на предельной для моей машины скорости в сто пятьдесят километров в час. Ещё никогда в жизни я не ездила так быстро.

Но «Астон Мартин» догнала меня за несколько минут и начала теснить к обочине. Пришлось сбросить скорость, чтобы не улететь в кювет.

Красный автомобиль прижал меня к обочине, блокируя собой выезд на трассу.

Ну всё, приехали! Сейчас он меня убьёт...

Тридцать минут назад

Я возвращалась от бабушки в отличном настроении. Впереди было ещё целое воскресенье, и весь выходной день я собиралась посвятить себе любимой – принять ванну с морской солью и пеной, сделать педикюр, посмотреть давно отложенную комедию. И вообще, насладиться тихим днём, спокойствием и свободой.

На панели тревожно замигал значок, сигнализируя, что бензин подходит к концу. Я приоткрыла приличную заправку по правую сторону и свернула с шоссе.

Рядом расположилось симпатичненькое кафе, и я решила заодно выпить чашку горячего капучино.

Прямо у входа припарковался красный спортивный автомобиль. «Астон мартин». Обожаю такие ещё с подросткового возраста, когда играла в разные компьютерные гонки. Почти на такой же машине я выигрывала заезд за заездом, легко обгоняя и расталкивая в стороны своих соперников.

Интересно, каково это – прокатиться на ней в реальности?

Впрочем, мне подобное не грозит. Несмотря на то, что я неплохо зарабатывала, ипотека на квартиру съедала почти все мои сбережения. Поэтому всё, что я могла себе позволить – подержанный серебристый «Форд фьюжн», у которого я была четвёртым владельцем.

Нет, я не жалею. Меня полностью устраивала и моя жизнь, и моя машина. Просто, увидеть на парковке такое чудо для меня было, всё равно что вернуться в детство, когда рядом ещё были родители, я могла наслаждаться безмятежностью и не задумываться о завтрашнем дне.

Толкнула дверь, проходя в кафе и окунаясь в ароматы придорожной кухни. Справедливости ради, надо сказать, что пахло здесь довольно приятно, и выглядело заведение чистенько.

Посетителей было немного. Пара старичков с пивом, несмотря на довольно раннее утро, смотрели футбольный матч по телевизору, у которого звук был убавлен до минимума. Да за угловым столиком сидел какой-то хлыщ в дорогом, явно на заказ сшитом, костюме и бело-снежной рубашке, из-под рукава которой то и дело выглядывали ещё более дорогие часы.

Всё ясно, вот и хозяин машинки нашёлся. Не люблю пижонов, что кичатся своим богатством.

А этот явно папочкиными деньгами пользуется. Ну не выглядел этот мажорчик воро-тилой крупного бизнеса, который мог бы позволить ему приобрести автомобиль стоимостью несколько миллионов.

Впрочем, пижон был симпатичным, с тёмными волосами, явно недавно познавшими услуги дорогого стилиста, с карими глазами, опущёнными такими длинными и густыми ресницами, что многие девушки обзавидовались бы.

Такой вниманием женского пола, конечно же, не обделён, поэтому самомнение у него выше крыши, к отказам не привык и считает, что весь мир вертится вокруг его драгоценной персоны. И каким ветром его высочество занесло в простенькое придорожное кафе?

Я села так, чтобы оказаться к мажорчику спиной и не портить себе настроение его лощё-ным видом. Но насладиться капучино в тишине мне не дали.

– Что за помои ты мне принесла? – голос был бы приятным, с такой ленивой бархатцой, если бы в нём не звучали нотки капризного раздражения. – И это ты называешь домашней лапшой?! Да её уже ели не по одному разу, а после и подогреть не удосужились!

Я обернулась.

– И-извините, – растерянно заикалась молоденькая официантка, которая, судя по неуве-ренным движениям, работала чуть ли не первый день. На вид ей было лет шестнадцать-семна-дцать, и вряд ли девушка уже успела привыкнуть к несправедливостям взрослой жизни.

Мажорчик брезгливо отодвинул тарелку с супом, отчего из той вылилась часть содер-жимого. И напуганная официантка попыталась вытереть неаккуратную лужицу собственным белоснежным фартучком.

– Блин, понаберут по объявлению идиоток! – продолжал разоряться мажор. – Я смогу уже нормально поесть? Или мне придётся ждать до вечера?!

– И-извините, – снова промямлила девчонка, готовая вот-вот разреветься.

И тут я не выдержала.

Когда ещё училась в универе, приходилось подрабатывать официанткой, и вот на таких пижонов с коронами на головах я насмотрелась вдоволь. И так же, как эта уже плачущая дев-чонка, не могла их поставить на место. Да и сейчас защитить девочку от нападок нахала никто не спешил.

Я встала, положила деньги рядом с чашкой так и недопитого кофе и двинулась в зону конфликта.

– Иди умойся, – оттеснила бедром официантку, которая тут же убежала на кухню.

А я добилась того, к чему стремилась – переключила внимание мажора на себя.

– Привык иметь дело с теми, кто слабее и не может дать отпор? Думаешь, если тратишь папенькины деньги, так тебе всё можно? – с удовольствием наблюдала, как темнеют его глаза, хмурится лицо, а кадык ходит вверх-вниз под смуглой кожей – нахал явно приближался к кондиции бешенства. – На таких, как ты, тоже всегда найдётся управа.

С этими словами я взяла тарелку с действительно чуть тёплым супом-лапшой и вылила мажору на голову.

Его глаза стали круглыми и очень большими, а затем сузились от злости. Я не стала ждать, пока он придёт в чувство от моей наглости, и быстрым шагом, почти бегом ринулась к выходу. Села в свою машину и слегка подрагивающей от выброса адреналина рукой завела двигатель.

Вырулив на шоссе, я вдавила в пол педаль газа. Лучше мне оказаться отсюда подальше. Я уже и не понимала, отчего так взъелась на мажора. Ну высказал нерадивой официантке, что суп холодный. Так тот и правда был не особо горячим, может, даже вчерашним, едва разогретым.

Теперь же меня настиг отходняк. Я испугалась собственной импульсивности и её послед-ствий. Руки дрожали, тело бил озноб. Я прибавила отопление в салоне и машинально взгля-нула в зеркало заднего вида.

Вот чёрт!

«Астон мартин» мчалась за мной по шоссе...

2

Я заблокировала двери и сидела в машине ни жива ни мертва, крепко вцепившись в руль. Пытаясь сочинить убедительное извинение, но получалось не слишком хорошо. Может, потому, что своей вины я не особо ощущала. Больше – испуг из-за неминуемой расплаты за содеянное.

Дверь «Астон Мартин» открылась, и из машины показался пижон. Он был уже без пиджака. А на белоснежной рубашке остались желтоватые разводы от супа, с кое-где зеленевшими крохотными пятнышками укропа.

Он подошёл к моей машине и, слегка наклонившись, посмотрел на меня сквозь стекло водительской двери. С его воротника свисала тонкая ленточка лапши.

– Выходи, – произнёс он. Я хоть и не слышала звука, но легко прочитала по губам.

Что делать? Он ведь может разбить стекло. А мне лишние проблемы с машиной совершенно ни к чему.

Да чего я дрожу как трусливый зайчишка? Я взрослая женщина и вполне могу за себя постоять. К тому же этот пижон не выглядел представляющим серьёзную опасность для моей молодой жизни. Максимум – наорёт. Но это я и сама умею.

На всякий случай нащупала в сумочке перцовый баллончик и зажала в руке. Открыла двери и вышла наружу, смело встречая хмурый взгляд мажора.

– Ты совсем офигела, придурочная? – зло поинтересовался он, сжимая кулаки.

– Эй, выбирай слова, мажор! – я тоже начинала закипать. – Похоже, ты плохо учил физику – на каждое действие всегда найдётся противодействие¹.

Его глаза снова округлились, как тогда, в кафе. Пару минут он смотрел на меня с нечитаемым выражением лица, а затем хмыкнул:

– А ты, значит, была отличницей?

– И ещё старостой группы, – гордо произнесла я, чувствуя какое-то приятное удовлетворение от нашей пикировки.

– А как тебе такой урок, староста?

Он приблизился ко мне так быстро, что я даже не успела отпрянуть или среагировать. Баллончик так и остался в безвольно опущенной руке.

А мажор взял моё лицо в ладони и впился в губы поцелуем, подобным лавине, что сметает всё на своём пути, погребая преграды и сомнения.

Сначала я испуганно охнула, тем самым приоткрывая рот и позволяя захватчику проникнуть внутрь. Затем я растерянно замерла. А спустя несколько секунд неожиданно для себя сама ответила на поцелуй, который становился всё более властным и требовательным, заставляя меня полностью терять контроль и растекаться безвольной лужицей у ног мажора.

Вот он прижался ко мне уже всем телом, вжимая в дверцу машины. Я почувствовала его жар, его желание, и сама реагировала точно так же.

Не знаю, что могло бы случиться дальше, и даже не хочу об этом думать. Но, к счастью, мажор слегка отстранился от меня и хрипло прошептал:

– Вижу, ты и правда любишь учиться. Сейчас я преподам тебе урок на заднем сиденье...

Что?

Сквозь затуманенное сознание в мой мозг наконец-то начала проникать реальность. Какой-то нахальный незнакомец собирается разложить меня в моей же машине, а я не только не оказываю ему сопротивление, но и, напротив, всячески поощряю.

Я оттолкнула его руку, по-хозяйски шарившую у меня под блузкой, и сделала шаг назад.

¹ Третий закон Ньютона гласит: «На каждое действие есть противодействие»

– Нет.

– Эй, не строй из себя недотрогу. Мы оба знаем, чего ты сейчас хочешь. – с наглой ухмылкой он потянулся к пуговичкам моей блузки.

А я наконец вновь обрела собственную волю. Сильнее сжала перцовый баллончик и, направив мажору в лицо, нажала разбрызгиватель.

Он отскочил от меня с диким криком и начал яростно тереть глаза. Не теряя времени, я заскочила в машину и, снова заблокировав двери, врубила задний ход. Объехала мешавшую мне «Астон Мартин» и вырулила на трассу. Постоянно глядя в зеркало заднего вида, я снова мчалась по дороге на максимальной скорости. И сбросила её только на подъезде к городу, когда впереди уже маячил силуэт поста ГАИ.

Шоссе за моей спиной оставалось пустым.

Кажется, этот маньяк оставил меня в покое, но всё равно успокоилась я, лишь захлопнув за собой дверь моей квартиры.

Она была небольшой, но очень уютной. Ремонт мне помогали делать коллеги, а потом мы дружно отмечали новоселье. Правда, все мы здесь не поместились, поэтому застолье пришлось перенести на работу. Тогда у нас был замечательный шеф. Он не только не возражал, но и с удовольствием сам принимал участие в наших посиделках. Жаль, что его больше нет...

Я разделась и переложила в холодильник бабушкины гостинцы, которыми она неизменно набивала большую хозяйственную сумку, считая, что внучка чересчур плохо питается в своём городе.

Затем принялась за уборку. На неделе у меня вряд ли будет время. С тех пор как я начала исполнять обязанности директора несколько месяцев назад, домой возвращалась в лучшем случае после восьми вечера.

Да и отвлекаться мне нужно было от того, что произошло на шоссе. А рутинная работа, вроде вытирания пыли и мытья полов, подходила для этого как нельзя лучше.

Я включила музыку на телефоне, надела наушники и, выделявая почти акробатические, как мне представлялось, финты с пылесосом, принялась за уборку. Почти два часа тяжёлого рока и полного спокойствия в мыслях.

Вычистив квартиру до блеска, перекусила бабушкиными разносолами и набрала себе ванну. Думаю, я даже заслужила бокал красного вина, оставшегося после дня рождения, хоть ещё и не вечер. Всё-таки нервное напряжение давало о себе знать.

Погрузившись в горячую ароматную воду, я попыталась расслабиться. Но не тут-то было. В памяти без спроса всплывали яркие картинки встречи с нахальным незнакомцем. Его грубость, погоня и... поцелуй. Как он целовался! Я вновь почувствовала поднимающуюся во мне волну жара и, возмущённая, подскочила в ванне.

Вода расплескалась по недавно вымытому полу, но я не обратила на это никакого внимания. Нет, как он посмел! Это же просто наглость – вот так хватать человека и насильно заставлять целоваться.

А это было насилие, потому что я не давала своего разрешения ни на какие поцелуи. И вообще, эти испорченные мажоры думают, что им всё можно только потому, что у них много денег.

Я возмущённо фыркнула и открыла слив, в который тут же начала убежать вода. Всё равно настроения не было, и расслабиться у меня не получилось. Нужно чем-то занять свой мозг, чтобы он не напоминал жаркую сладость этих дурацких поцелуев.

Я быстро ополоснулась под душем и, завернувшись в махровый халат, включила комедию. Ну разумеется, она оказалась о любви. Герои целовались при каждом удобном случае, напоминая мне о том, о чём я никак не хотела вспоминать.

Возмутившись, закрыла ноутбук и включила телевизор. Пощёлкав каналы, наткнулась на старый боевик, где Шварценеггер боролся с хищным невидимым пришельцем. Супер! То что надо!

К вечеру я пересмотрела два боевика, детектив и фильм ужасов. Последний, похоже, оказался лишним, поскольку уже было пора ложиться спать, а мне теперь повсюду мерещились какие-то подозрительные шорохи. Пришлось засмотреть мультиками, допить остатки вина и всё-таки забираться в кровать. Завтра рано вставать на работу.

3

А с утра всё так закрутилось, что я и думать забыла про нахального мажора. Было просто не до него.

Дизайнерская фирма «Омега-принт», с которой наша фабрика сотрудничала уже много лет, потребовала увеличение оплаты и сто процентов вперёд. Видите ли, раньше они работали на доверии с Андреем Ивановичем, а теперь проснулись. А то, что я уже полгода руковожу фабрикой, и прежде всех всё устраивало, ничего?

Наш шеф, Андрей Иванович Никитин, очень долго болел, мы все знали и диагноз, и то, что это практически неизлечимо. Мы старались поддерживать его и радовать в силу своих возможностей. Шефа все любили.

Перед тем, как уехать в Москву на операцию, он вызвал меня в свой кабинет.

Андрей Иванович стоял спиной к окну, опершись о подоконник. Таким я его и запомнила – в ореоле солнечных лучей, пробивавшихся сквозь стекло.

– Садись, Вика, – сказал он. – Ты знаешь, что дела мои плохи...

– Андрей И... – начала было я, но он махнул рукой, обрубая мои попытки что-либо возразить.

– Виктория Владимировна, не перебивайте меня! – шеф повысил голос, и я тут же сникла. – Слушай, Вика. Эта фабрика слишком много для меня значит, чтобы я мог бросить её на произвол судьбы. Поэтому я обо всём позаботился, ты будешь исполнять обязанности директора...

– Что?! – я вскочила со стула, но Андрей Иванович подошёл ко мне и, нажав на плечи, силой усадил обратно.

– Ты будешь меня замещать до моего возвращения. Прекрати паниковать, ты делала это много раз.

Я не стала возражать, что в те разы точно знала, когда шеф вернётся, и при возникновении каких-либо сомнений могла позвонить ему и всё обсудить. А сейчас...

– Вика, – он продолжал удерживать меня за плечи, а я украдкой смахивала выступавшие слёзы, – ты должна быть сильной. Я обещаю, что буду бороться, но ты же знаешь, шансов немного... Я составил завещание. Фабрика перейдёт моему племяннику Максиму Никитину. Он хороший мальчик и единственный, кого я вижу во главе своего детища. Но вполне возможно, что он не захочет оставлять Москву, и тогда ты так и останешься управляющей. Решать ему.

– Андрей Иванович, я всё сделаю, только выздоравливайте, – Никитин за годы моей работы на фабрике стал мне почти отцом.

– Я в тебе и не сомневался, – усмехнулся он и отпустил мои плечи.

Шеф отошёл, и я сразу поёжилась от охватившего меня холода. Господи, только бы он справился с болезнью!

– К вашему возвращению всё будет в лучшем виде, – я улыбнулась ему сквозь слёзы и вышла из кабинета.

Андрей Иванович из Москвы не вернулся. Во время операции у него остановилось сердце, но мы об этом узнали из новостей. Родственники шефа не сочли наёмных работников достойными приглашения на похороны, а может, просто не подумали о нас.

Я с головой погрузилась в работу, пообещав себе, что фабрика будет процветать. И племянник Никитина не найдёт, к чему подкопаться.

Новую линейку продукции мы задумали, когда шеф уже болел. Но Андрей Иванович не позволял себя жалеть и с энтузиазмом погрузился в работу.

Правда, оборудовала молочный цех уже я одна, закупала технику, отбирала поставщиков сырья. Да и рецептуру творожных сырков мы только обсудили с Никитиным, пробовать и утверждать мне пришлось самостоятельно.

А теперь вот эти дизайнеры нервы мотают. Почти год занимались разработкой обёртки, а толку никакого. Два варианта я завернула, а третий они отказываются мне демонстрировать, пока не оплатим сто процентов заказа. Причём вперёд.

Пришлось ехать к ним самой. Ругаться, грозить, требовать, чтобы сначала мне показали новый вариант. Но директора не было на месте, а сами дизайнеры – два великовозрастных молокососа – просто игнорировали всё моё возмущение.

Как же мне не хватало сейчас Андрея Ивановича. Казалось, он мог легко и играючи решить любую проблему.

Вот даже не представляю, что делать. Искать новых дизайнеров сейчас – это целая история. А мы планировали начать производство в следующем месяце. Не успеем. И заплатить им прямо сейчас не могу – надо зарплаты людям начислить. Все-таки пятьдесят человек работают и семьи кормят.

В общем, на фабрику я вернулась в препаршивейшем настроении. Мне нужен был дельный совет. Поэтому я решила собрать совещание. Вызову главного бухгалтера, заведующего производством и нашу главную шоколадницу тётю Машу. Как говорится, одна голова хорошо, а четыре лучше.

Я поднялась на второй этаж, где располагались офисы. Елена Дмитриевна Скобцова, наша секретарша, как всегда с кем-то переписывалась по телефону. Она была всего на три года моложе меня, но одевалась и зачастую вела себя как тинейджер. Да и увлечения у неё были схожие – початиться, пошопиться с подружками, сходить в ночной клуб.

Когда Лена только появилась на фабрике, я не думала, что она продержится дольше испытательного срока. Но секретарь из неё получился на удивление толковый и ответственный, хотя всё свободное время она и проводила с телефоном в руках.

– Лен, – при звуке моего голоса она вздрогнула и подняла голову. – Вызови ко мне, пожалуйста, Земцову, Галухина и тётю Машу. Скажи, срочное совещание по творожным сыркам.

Секретарша молчала и глядела на меня почему-то испуганно, часто моргая.

– Лена, что случилось? – мне не нравился её взгляд, хотелось встряхнуть как следует, чтобы уже наконец отмерла и ответила. – Лена!

– Он приехал... – сообщила мне она трагическим шёпотом.

– Кто? – не поняла я.

– Наследник. Максим Никитин...

Я сделала глубокий вдох. Как не вовремя. Вот только с наследником разобраться мне сейчас и не хватало.

– Что теперь будет? – Ленкино лицо жалобно искривилось. – Он нас продаст?

– Откуда я знаю, – огрызнулась, потому что и так нервы ни к чёрту, а тут ещё и эта пророчествует. – Где он?

– Там, – секретарша кивнула головой, – у шефа в кабинете. То есть у тебя. То есть у себя...

Ленка в конец запуталась, и я, чтобы не раздражаться на неё ещё больше, решительным шагом двинулась к кабинету Андрея Ивановича, который занимала уже несколько месяцев, но всё равно не считала его своим.

Не люблю оттягивать неприятные дела, уж лучше быстрее с ними покончить и переключиться на что-то хорошее. А то, что встреча с наследником Никитина будет не слишком радостной, я чувствовала где-то в районе пятой точки.

Я резко открыла дверь и споткнулась о хищный взгляд карих глаз.

О нет! Только не это...

4

Максим как чувствовал, нет, он точно знал с самого начала, что ничем хорошим это не кончится. Ещё когда услышал, что дядя Андрей оставил ему шоколадную фабрику где-то в глуши.

Вот зачем ему шоколадная фабрика?

У Макса не было ответа на этот вопрос. Но в наследство необходимо было вступить, хотя бы для того, чтобы продать его и получить какую-то выгоду.

На этой дурацкой поездке настоял отец. Максим бы отправил доверенное лицо и выслушал отчёт о состоянии дел потом здесь, в Москве. А так пришлось отправиться бог знает куда.

Макс Никитин настолько привык к хорошей жизни, качественному сервису, отдыху за границей, что считал это нормой. И оказался совершенно не подготовлен к тому, что увидел в российской глубинке.

Да и ехать надо было на внедорожнике, а свою любимую «Астон Мартин» оставить дома. Дороги здесь оставляли желать лучшего, мягко говоря.

Макс бодрствовал уже почти сутки, когда понял, что ему просто необходимо сделать ещё одну остановку, размять ноги и уже что-нибудь съесть. Желудок урчал от голода и требовал полноценный завтрак.

Никитин присмотрел приличную заправку по правой стороне и рядом с ней чистенькое с виду кафе. Отлично. Поест сам и покормит свою малышку «Астин».

Но если на заправке проблем не возникло, то в кафе Максима ждал неприятный сюрприз. Да уж, это была не Москва.

Официантку с меню он прождал минут десять, хотя наплыва посетителей здесь не наблюдалось. Двоих, цедивших пиво под беззвучный футбол, стариков можно не считать.

Девушка была совсем и юной и очевидно неопытной, Макс это сразу определил по заметно подрагивающим рукам. Поэтому он терпеливо поинтересовался меню, выслушал её рекомендации и заказал суп-лапшу, которую здесь, по словам девицы, готовили прямо как у неё дома.

Что ж, домашняя кухня – это хорошо. Никитин согласился на лапшу и двойной эспрессо, всё-таки до места назначения ехать оставалось порядком.

Спустя пятнадцать минут он понял, что пшеница, из которой будут делать муку для лапши, ещё не созрела, но велел себе набраться терпения.

Тем более, что за стойкой появилась весьма интересная особа, и Макс увлёкся её разглядыванием. А поглядеть там было на что. Не будь он таким уставшим, может, и подошёл за номером телефона.

Примерно его ровесница, возможно, чуть младше, но выглядит свежей. Наверняка тщательно ухаживает за собой.

Её светлые волосы были собраны в высокий хвост, подчёркивая изящные линии лица и открывая хорошенькие ушки с маленькими серёжками. Яркие выразительные глаза, казалось, освещались каким-то внутренним светом.

Одета девушка была просто, но стильно – в джинсы, джемпер и шерстяной пиджак. Одежда подчёркивала аппетитные формы, но оставляла простор для фантазии. Возникал соблазн узнать, а что же скрыто под плотной материей.

Незнакомка мазнула по нему недовольным взглядом и прошла мимо. Хм, красотка не в настроении?

Девушка села к нему спиной и заказала капучино. Макс как раз разглядывал аппетитные ягодички, натянувшие узкие стретчевые джинсы, когда ему принесли суп. Наконец-то, не прошло и года.

Содержимое тарелки оказалось едва тёплым.

Тут он не выдержал и вспылел. Видел, что девчонка вот-вот готова разреветься, но жалеть её не собирался. Так хоть урок усвоит – не стоит кормить помоями того, кто был готов оставить тебе хорошие чаевые.

Красотка оказалась рядом с ним совершенно неожиданно, в пылу выволочки даже не заметил, как она подошла. В её глазах сверкали молнии. И Макс почувствовал возбуждение. Может, всё-таки взять её телефончик?

Она несла какую-то чушь о законах Ньютона, а затем вдруг схватила тарелку с лапшой и вывернула ему на голову.

Никитин застыл от такой наглости. Только поэтому нахалке удалось ускользнуть. Выскочив из кафе, Макс успел заметить, как поспешно мчит к дороге серебристый «Форд Фьюжн».

Ну держись, дорогая, сейчас мы посмотрим, кто плохо выучил урок.

Максим стянул залитый супом пиджак и бросил его на заднее сиденье. Салон наполнился ароматом лапши, и в ответ тут же заурчал желудок, напоминая, что хозяин так и не поел.

«Астон Мартин» взяла с места, подтверждая свой статус одной из лучших спортивных марок, только камешки полетели из-под колёс.

Буквально через несколько минут Макс догнал «Форд» и прижал его к обочине.

Ну вот и всё, нахальная красотка, пришёл час расплаты. Никитину очень хотелось перегнуть её через колено и как следует отшлёпать, аж ладонь зачесалась. Но и другая часть тела неожиданно остро и твёрдо отреагировала на возникшую в голове картинку. В ней красотка была обнажённой, лежавшей на смятых простынях, постанывая от удовольствия, её округлые ягодицы, вызывающе приподнятые, алели яркими пятнами от его ладони...

Нет, нет, нет, так не пойдёт. Максимум совсем не нравилось направление собственных мыслей. Он хотел наказать нахалку, а не удовлетворять...

Он был зол, очень зол, и сейчас эта девица поплатится за его прилюдное унижение. Да, так гораздо лучше.

– Выходи, – они смотрели друг на друга сквозь стекло, и Макс чувствовал её испуг. Это очень хорошо.

Он ещё не знал, что именно с ней сделает, но злость требовала выхода.

Красотка была бледной, но сжатые челюсти и сверкавшие глаза говорили о её боевом настрое. Сдаваться она явно была не намерена.

Максим уже заготовил слова, чтобы высказать ей всё, что думает о подобных нахалках и их неподобающем поведении...

Но всё пошло не по плану. Точнее по плану № 1, который он сам же только что отмёл.

Никитин впился в её губы, одновременно вжимаясь своим телом. Он почувствовал удивлённое оцепенение в первые секунды, а затем её сладкие губы раскрылись, впуская его на захваченную территорию.

Сколько продолжалось это безумие, Макс не знал. Но он хотел большего, и красотка тоже хотела, тело выдавало её желание.

– Вижу, ты и правда любишь учиться. Сейчас я преподам тебе урок на заднем сиденье... – прошептал он, с трудом отрываясь от неё.

Никитин не понимал, что происходит, почему он так остро реагирует на незнакомую женщину. Может, дело в том, что она нахамила ему, в то время как остальные откровенно лебезили, борясь за кусочек его драгоценного внимания.

Но сейчас Макс и не хотел ничего понимать, он хотел обладать этой красоткой, что так откровенно плавилась в его объятиях.

На баллончик, вдруг появившийся в её руке, в первые секунды он никак не отреагировал, просто потому, что не мог сразу переключиться. Струя обжигающего пламени опалила глаза.

– АААААААААА!

Макс ничего не видел. Он ослеп. Глаза немилосердно жгло. Хорошо, он ещё сообразил, что не следует тереть их руками. На ощупь нашёл свою машину и достал бутылку воды. Запрокинул голову и лил себе на лицо, пока она не опустела.

Стало чуть легче. Но всё равно Максиму пришлось долго сидеть с закрытыми глазами, ожидая, когда восстановится зрение.

Эта чёртова сучка поимела его второй раз. Теперь он приложит все силы, чтобы найти её и заставить пожалеть о том, что вообще родилась на свет.

5

До города Макс добирался долго – не решался ехать с привычной скоростью. В глазах то и дело начинали плясать разноцветные пятна. А когда наконец впереди показался долгожданный указатель, он устал настолько, что единственным желанием оставалось – принять душ и лечь спать.

Глазам нужен был полноценный отдых, как и самому Максиму. Он, наверное, за всю жизнь не испытывал столько сильных эмоций, как за этот бесконечный день. Точнее даже полдня, поскольку сейчас только наступило обеденное время. И Никитин, слегка отойдя от потрясений, вновь начал чувствовать голод.

Решено – надо искать гостиницу и хороший ресторан. И неважно, в какой последовательности.

С гостиницей определился сразу, это было несложно – в городке на двадцать тысяч жителей она была единственной. Здание, интерьер и обслуживание остались с советских времён, но выбирать пока не приходилось.

Макс потребовал самый лучший номер и заказал доставку еды. Пригрозил, что, если ему не понравится, вылетит администратору за шиворот. Оставил щедрые чаевые, чтобы женщина отнеслась к нему серьёзнее, и направился на второй этаж.

Что ж, самый лучший номер в гостинице Никитин оценил как весьма посредственный и решил при первой же возможности найти себе квартиру. Впрочем, после горячего душа и на удивление неплохой еды, его взгляд на мир стал намного мягче.

Постельное бельё было чистым, подушка мягкой, а что ещё надо усталому путнику?

Когда Макс проснулся, было около шести часов утра, рассвет ещё только забрезжил на горизонте. Но он чувствовал себя свежим и бодрым.

Зеркало в ванной комнате отметило припухлость и покраснения вокруг глаз, сообщая, что вчерашняя стычка с незнакомкой не осталась без последствий. Ничего, солнцезащитные очки у него с собой.

Максим оделся и отправился на утреннюю пробежку, решив немного познакомиться с городком, в который его угораздило попасть, а ещё выпить где-нибудь кофе.

Улицы были пустынные, заведения и магазинчики серели погасшими вывесками. Никитин взглянул на время. Почти семь утра. Они что, тут все спят ещё?

Макс обежал несколько кварталов центра, но за это время встретил лишь нескольких зевающих собачников, выгуливавших своих питомцев. Да бездомного пса, свернувшегося на газоне.

В этот час гостеприимно распахнуты были двери лишь одного заведения – рюмочной, но спрашивать там кофе Никитин не рискнул.

Пришлось возвращаться в гостиницу и просить сонную Маргариту Фёдоровну, как было написано на бейдже администратора, поделиться своими запасами.

В 9.00 Максим уже стоял у дверей агентства недвижимости, на стеклянной витрине которого висел яркий постер: «Нам важно, чтобы вы жили в комфортных условиях».

Что ж, посмотрим, что здесь понимают под комфортом.

Макс толкнул дверь, но она не поддавалась. Глаза вдруг уткнулись в табличку «Закрито». Что? Никитин перевёл взгляд на часы – 9.01.

– А как же важность моего комфорта? – спросил он вслух, оглядываясь по сторонам. Но никто ему не ответил.

Может, сначала поехать на фабрику? И тут же отринул эту мысль. Там он, вполне возможно, задержится допоздна, и ночевать опять придётся в «самом лучшем номере» местной гостиницы.

Максим прождал около десяти минут, пока наконец не догадался позвонить по указанному на постере номеру.

– Алё, – ответил ему заспанный женский голос.

– Вы собираетесь открывать агентство? – поинтересовался Никитин. – Мой комфорт очень страдает от того, что приходится ждать на улице.

– А вы кто? – поинтересовалась женщина.

– Клиент, щедрость которого прямо пропорциональна времени ожидания.

– Уже спускаюсь, – и отключилась.

Появилась она ровно через три минуты, на ходу оправляя клетчатую юбку и застёгивая пуговицы на таком же пиджаке. Высокая, худая, волосы собраны в пучок, на носу большие очки в роговой оправе. Такими Максиму представлялись училки, но никак не агенты по недвижимости. Интересно, а у неё доход-то есть? С таким обслуживанием – вряд ли, вынес он вердикт.

И оказался во многом прав. Антонина Валентиновна в прошлом была учителем математики в местной школе, а выйдя на пенсию, решила немного подработать.

Впрочем, клиентов было мало, и иногда за весь день агентство не посещало ни одного человека. Вот и не спешила Антонина Валентиновна сюда поутру.

Квартир на аренду почти не было, а то, что предлагалось, Макс с ужасом отверг. «Самый лучший номер» здесь выигрывал по всем параметрам.

Зато один коттеджик Никитину неожиданно понравился. Правда, расположился он на окраине городка, почти рядом с лесом, в то время как Максим привык находиться в самой гуще событий. А на природу он выезжал в последний раз... Да он вообще не выезжал на природу.

– Давайте посмотрим, – ответил он на вопросительный взгляд Антонины Валентиновны.

На подъезде к коттеджу сбылись его худшие ожидания. Асфальтированная дорога заканчивалась метров за сто пятьдесят. Дальше начинались рытвины и ухабы, которые его «Астон Мартин» совсем не оценила.

Пришлось пока оставить машину и идти к дому пешком.

Внутри оказалось неприятно, но довольно уютно. Стены обиты деревянными рейками, дощатый пол, добротная, хоть и простая мебель. В подвале находился газовый котёл, который отапливал весь дом. В морозные дни можно было затопить настоящий камин.

– До морозов я здесь вряд ли останусь, – передёрнулся Макс от одной мысли.

Но коттедж ему понравился. Старенький хозяин перебрался в областной центр, к дочери и внукам, а дом выставил на продажу, как и многие здесь.

Антонина Валентиновна по доверенности сдавала его, пока не найдётся постоянный покупатель. Но и арендатором Макс оказался первым. Это даже и хорошо, что здесь давно никто не жил. Никитин не любил следы чужого присутствия.

Антонина Валентиновна показала ему, где находится, как работает отопление, и обещала прибраться здесь к вечеру. Макс подписал договор и, получив ключи, в приподнятом настроении поехал на фабрику.

О боже! За что дядя так его ненавидел?

Ничего более унылого в своей жизни Макс не видел. Высокий кирпичный забор почти до середины скрывал кирпичное же обшарпанное здание с крупной когда-то яркой надписью «Никитинъ», но оказался не в силах скрыть, что предприятие переживает отнюдь не лучшие свои дни.

Никитин хмыкнул. Он совсем не удивится, узнав, что управляющий ворует. Фабрика нуждалась в ремонте, модернизации и новом руководителе.

Ладно, за пару месяцев Максим приведёт здесь всё в порядок и выставит на продажу. А там уже пусть новый владелец думает.

Он проехал пустую проходную и беспрепятственно припарковался внутри двора. Мда, охрана тут на высшем уровне.

Никитин почти полчаса потратил на поиски офиса, и за это время никто не подошёл к нему и не поинтересовался, что на территории фабрики делает посторонний.

Секретарша и вовсе повергла Макса в ступор. Он даже подавил желание выйти за дверь и перепроверить табличку.

Её короткие волосы были выкрашены в розовый цвет и торчали перьями. От взгляда на кричащую расцветку платья у Нитина заболели глаза под солнцезащитными очками.

Она нехотя оторвалась от телефона и подняла на Макса вопросительный взгляд, отчего её тонкие брови изогнулись дугой.

– Меня зовут Максим Сергеевич Никитин, я новый владелец этой фабрики, – он решил не тянуть быка за рога.

Девушка недоуменно смотрела на него пару секунд, часто моргая, а потом её ярко-накрашенный рот приоткрылся буквой О.

– Здравствуйте, – заикаясь, произнесла она.

– Где мой кабинет?

– Там, – показала на дверь.

– Сделайте мне кофе и позовите управляющего.

Макс вошёл в кабинет своего дяди, который теперь принадлежал ему и осмотрелся.

Дядю Андрея, которого в последний раз видел ещё учась в школе, он помнил плохо. И почему тот выбрал его своим наследником совершенно не понимал.

Кабинет был просторным, с большим основным столом, заваленным бумагами, и дополнительным, вдоль которого выстроились шесть стульев. Значит, совещания дядя проводил здесь.

Макс сел в довольно удобное кресло и взял верхний документ из кипы. В это время дверь открылась, и Никитин поднял глаза.

Вот так сюрприз!

Несколько секунд они, не мигая, смотрели друг на друга, а затем Макс снял солнцезащитные очки.

Ну вот ты и попалась, птичка. Теперь пойдёшь на жаркое.

6

– Ты... ты... ты... – казалось, ему не хватало воздуха, чтобы произнести всю фразу целиком.

– Я, – всё-таки не удержалась от подкола.

Мажор приподнялся из кресла. Я подсознательно сделала шаг назад, увеличивая расстояние между нами. Мало ли что взбредёт в голову этому чокнутому.

Эмоции на его лице так быстро сменяли друг друга, что я не успевала их улавливать. Удивление. Злость. Радость? А чему это он радуется?

По позвоночнику царапнуло ледяными коготками. Как он меня нашёл? Или... Не может быть! Он и есть наследник Андрея Ивановича? Максим Никитин?

Вот я попала!

Мажор снял солнцезащитные очки, и я увидела покрасневшие воспалённые веки. Чёрт, как я умудрилась брызнуть перцовым баллончиком в лицо новому директору фабрики?

Смотрел он на меня недобро, и я поняла, что мы вряд ли подружимся. Даже если извинюсь. Но извиняться я не собиралась. Он первый на меня напал, так что это была самозащита.

– Надеюсь, ты не прячешь под юбкой пистолет? – спросил он, оглядывая меня с ног до головы взглядом, от которого почему-то бросило в жар.

– Зачем он мне? – голос внезапно осип, и пришлось откашляться.

– Вдруг ты решила, что нанесла недостаточно вреда моему здоровью...

– Ты первый на меня напал! – я понимала, что должна остановиться, что от этого человека теперь зависит моё финансовое благополучие и своевременные выплаты по ипотеке, но этот мажор заставлял меня терять контроль.

– Ну я бы не назвал это нападением, учитывая, как ты тёрлась об меня...

– Я никогда ни о кого не трусь! – обвиняюще выставленный в его сторону указательный палец был явно лишним, но Никитин только усмехнулся.

– Может, и стоило бы потереться, – парировал он. – Глядишь, была бы добрее и перестала калечить людей.

Я возмущённо задохнулась, но мажор не дал мне ответить.

– Ты здесь работаешь или соскучилась по мне?

– Соскучилась, – процедила сквозь зубы.

– Я так и подумал, – усмехнулся он. – Зайди через полчаса, я дам тебе возможность продемонстрировать, как сильно ты скучала. А сейчас, извини, у меня встреча.

– С кем? – удивилась я. Внутри неприятно кольнуло – только появился, а уже назначает свидания на рабочем месте.

– С управляющим фабрики. Как говорится, сначала – дело, потом – удовольствие. С тобой особого удовольствия пока не было, так что не считается. Придётся продолжить позже.

Я с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. Выпендрёжник, блин.

Выдвинула первый из стульев, который всегда занимала на совещаниях, пока был жив Андрей Иванович. Изящно опустилась на него, положила на стол блокнот, карандаш и повернулась к Никитину, показывая, что готова внимать ему и делать заметки.

– Ты плохо слышишь? – мажор явно начинал раздражаться. – Я сейчас занят.

Он схватил со стола лежавший сверху договор с дизайнерской фирмой и сделал вид, что внимательно его изучает.

Тогда я поднялась со стула и, перегнувшись через стол, протянула ему руку.

– Здравствуйте, Максим Сергеевич. Я забыла представиться. Меня зовут Виктория Владимировна Шикова, управляющая фабрики «Никитинь».

О-о, этот его взгляд, как будто собирается меня покусать. Кажется, кто-то у нас здесь злится.

Мою протянутую руку Никитин проигнорировал, но договор отложил в сторону. Молча сидел и смотрел на меня тяжёлым немигающим взглядом, от которого мурашки побежали по коже.

Впрочем, если мажор собирался меня запугать, то взгляда тут явно маловато. Я была не слишком пугливой. Да и что он может мне сделать? Разве что уволить. Но и это было б не смертельно, хотя и значительно ударило бы по моему бюджету.

– Значит, я теперь твой босс? – это было скорее утверждение, хоть вопросительная интонация и промелькнула.

Мне показалось, что он рад этому факту. Но как-то не по-доброму рад. Он словно злорадуется. Уже что-то задумал? Наверняка. Зная его подлую натуру, которую я успела изучить за три короткие встречи из двух неполных дней нашего знакомства, иного ожидать не приходилось.

Что ж, будем принимать превентивные меры. Как говорится, лучшая защита – это нападение. Главное, не подставлять ему спину.

Я не стала отвечать на вопрос, ответ на который и так был очевиден. Вместо этого смотрела в лицо Никитину, прямо в его опухшие глаза. Мучила ли меня совесть? Может быть, немного. Но ровно до того момента, как я поняла, что он будет мне мстить.

Такие подлые натуры не вызывают у меня чувства жалости или сочувствия. Он заслужил то, что получил. А будет нарываться, получит ещё больше.

Эта молчаливая игра в гляделки длилась несколько минут. Перебила её Ленка, которая просунула голову в дверь и громким шёпотом сообщила:

– Виктория Владимировна, здесь все, кого вы вызывали. Запускать?

Ну вот и первая подача. Будешь отбивать, голубчик?

– Я никого не вызывал в СВОЙ кабинет, – Никитин произнёс это вроде и негромко, но таким тоном, что Ленка втянула голову в плечи и исчезла за дверью, бесшумно притворив её за собой.

Я даже не поёжилась, хотя холодом он сыпал будь здоров. Я тут вообще не при чём, это всё Ленка. К ней и претензии.

– С какой стати ВЫ, Виктория Владимировна, распоряжаетесь в МОЁМ кабинете?!

Ах, мы снова на «вы», какая потеря. А я только начала привыкать к неформальному стилю нашего общения.

– Если бы ВЫ предупредили, что приедете, Максим Сергеевич, то я успела бы съехать из ВАШЕГО кабинета. Но вы предпочли сделать нам сюрприз, чтобы поймать нас неподготовленными. Что ж, вам это удалось.

О мой тон могли разбиваться «Титаники». А вежливая улыбка Снежной королевы промораживала до костей. Но Никитин, казалось, не обратил на это никакого внимания.

– Кого вы позвали и зачем?

– Главбуха, зав. производством и старшего мастера. Чтобы обсудить новую линейку продукции, которая должна была выйти на рынок в следующем месяце...

– Но... – он верно уловил мою интонацию.

– Но не выйдет. И может, вообще никогда. – вот я и произнесла это вслух.

– Это теперь моя фабрика, и только я решаю, что тут будет выходить, а что нет. – он нажал кнопку селекторной связи. – Елена Дмитриевна, пригласите КО МНЕ главбуха, зав. производством и старшего мастера.

7

Макс чувствовал себя закипающим чайником. Эта самоуверенная девица выводила его из себя. Казалось, чаша его терпения готова в любой момент перелиться через край, и тогда эту Викторию, мать её, Владимировну унесёт волна настоящего цунами.

Для Никитина подобные эмоции были внове. Возможно, поэтому он не мог справиться с ними так скоро и поддавался на провокации девицы. Ишь, управляющая она. И куда смотрел дядя Андрей? Разве что ей под юбку?

Внезапная догадка неприятно царапнула где-то под рёбрами. Так вот кто она такая – обычная подстилка... Ради высокой должности готова согреть постель старичку...

Конечно, положив руку на сердце, дядя Андрей ещё не был стариком, по крайней мере, пока не заболел... Но Макс почему-то хотелось думать именно так, он почти насильно нагнетал неприязнь и к нему, и к девице, чтобы испытывать только негатив. Чтобы не вспоминать, как сладко отзывались в паху прикосновения к её губам...

Так, стоп! Решил же не думать об этом, значит, не думать. Он сам хозяин своих мыслей, а не какая-то... подстилка.

Но раз она спала с его дядей ради должности, вряд ли откажет и ему, чтобы сохранить своё положение на фабрике...

Несмотря на то, что Макс усиленно гнал от себя эту мысль, она всё прочнее завладевала разумом.

Это было какое-то плотское безумие. Сидя в метре от него, нервнооткачала свой сладостный, невероятно сексуальный аромат, который мешал Никитину сосредоточиться на деле. И это бесило ещё больше.

Мало того, что эта невыносимая Виктория чувствует себя как дома у него в кабинете, так ещё и завоняла его своими дурацкими духами. Она какая-то ведьма, заколдовала мужской разум и ещё один орган...

Решено, надо переспать с ней, чтобы освободиться от этого навязчивого желания и вновь обрести возможность мыслить здраво.

Его тяжёлые думы перебила секретарша, которая просунула голову в дверь и сообщила, что пришли те, кого вызывала Виктория Владимировна.

Какого чёрта! Макс психанул. Чайник кипел вовсю.

– С какой стати ВЫ, Виктория Владимировна, распоряжаетесь в МОЁМ кабинете?!

Ну кто бы сомневался, что она не только не смутится, но ещё и начнёт обвинять Макса, что он не предупредил о своём приезде. И ведь угадала зараза, хотел застать их врасплох и посмотреть, чем они тут занимаются в отсутствие руководства.

Кто бы мог подумать, что Виктория решит запускать в производство новую продукцию, что будет биться за дядину идею, которую тот не успел осуществить.

Никитин почувствовал некое уважение к этой женщине, разумеется, спрятанное где-то очень глубоко. Очень-очень. Так, чтобы она никогда не догадалась.

Почему-то хотелось помочь ей. Ей и дяде, которого он почти не знал, и который непонятно почему оставил ему своё детище, решив, что Макс справится, что достоин этого.

Никитин уже забыл о своём желании провести быструю проверку, оценить состояние дел и выставить фабрику на продажу. Точнее фабрику он, разумеется, продаст, но сначала запустит эту новую линейку. Это был какой-то вызов его деловым способностям.

Решено!

– Елена Дмитриевна, – Максим нажал кнопку селекторной связи, нарочито игнорируя говорящий взгляд заразы, – пригласите КО МНЕ главбуха, зав. производством и старшего мастера.

Это его завод и его совещание. А наглой девице он просто разрешает работать на себя, но никак не принимать решения. С этим он справится самостоятельно.

В дверь кабинета робко постучали. Макс уже понял, что с управляющей у работников были, скорее, дружеские отношения. О какой-то субординации речи тут не шло. И в кабинет к ней они, похоже, заходили запросто, без стука. Как секретарша Леночка только что.

Что ж, новый директор отучит их от этой бестактной привычки. Он здесь босс, они подчинённые. И никаких вариантов.

– Входите! – крикнул он, скосив глаза на Викторию.

Она спокойно сидела на ближайшем к нему стуле и делал какие-то записи в блокноте, совершенно не обращая на Макса внимания. Он и сам не понимал, почему его так задевает её явно деланное безразличие. И что она пишет в своём дурацком блокноте?!

Всё-таки эта девица выводит его из равновесия. Максим сделал глубокий вдох и постарался отрешиться от негативных эмоций, как учила его одна из бывших подруг, занимавшаяся йогой. Как-то это интересно называется... Осанка... Или вроде того. Неважно.

Дверь открылась, и по одному в кабинет начали заходить вызванные сотрудники. На первый взгляд профессионалами своего дела, способными вести фабрику вперёд и сделать её прибыльной, эти люди не выглядели. Но Макс решил сначала поближе познакомиться с ними, а затем уже делать выводы.

Первым шёл крупный бородатый мужик с окладистой, кое-где седой бородой и блестящей лысиной, окружённой такими же седоватыми волосами. Глаза у дядьки тоже были крупные, навывкате, смотрели ясно, без страха, скорее, с любопытством. Интересно, это заведующий производством или старший мастер? Максим был готов поспорить, что мастер. Начальником мужик совсем не выглядел.

Он занял место слева от Виктории.

За ним следом шла сухонькая старушка лет шестидесяти с короткой причёской «под пажа», выкрашенной в ярко-рыжий цвет. У неё было совершенно добродушное выражение лица. Наверное, из-за чуть приподнятых уголков губ, отчего казалось, что она постоянно улыбается. Зав. производством, что ли? Макс уже начал сомневаться в своих выводах.

И последней в кабинет зашла крупная тётка, рыхлая, как дрожжевое тесто. На ней был белый халат и шапочка, скрывающая волосы. На бухгалтера она была совсем не похожа.

Ладно, будем разбираться в них по ходу совещания, а ещё лучше – пусть сами представятся, чтобы Макс смог разобраться, кто есть кто.

Каждый входящий тихо здоровался, зыркал на Викторию глазами и занимал место за приставным столом. Две женщины сели по правую сторону от Никитина, напротив мужика и управляющей.

В кабинете повисла тишина. Работники выглядели слегка растерянными и то и дело поглядывали на Викторию, явно ожидая от неё решительных действий.

Ну уж дудки! Хозяин здесь Максим Никитин, и только он!

Поэтому новый владелец фабрики решил взять быка за рога и оседлать уже эту, становившуюся неловкой, ситуацию.

– Всем добрый день, – начал он уверенным тоном, делая ударения на ключевых словах. – Меня зовут Максим Сергеевич Никитин, и я теперь ваш непосредственный начальник. Надеюсь, мы сработаемся, и необходимости в кадровых перестановках не возникнет. А теперь пусть каждый из вас представится, и перейдём уже непосредственно к вопросу, из-за которого мы все здесь собрались.

Во время этой речи Виктория прожигала его злым взглядом, и Максу это очень понравилось. Значит, он выбрал верный тон. Они должны с самого начала понять, кто здесь главный. И эта самоуверенная девица тоже.

– Меня зовут Борис Евгеньевич Галухин, – первым начал бородатый мужик, – я заведующий производством. Моя задача – организовать рабочий процесс, чтобы продукция отвечала установленным стандартам качества и вовремя была готова к отправке в оптовые и розничные сети.

Что ж, тут Макс не угадал. Посмотрим, как с остальными.

Рыжая старушка оказалась главным бухгалтером, и характер у неё был бойкий и упрямый. А вот толстая тётка с улыбкой представилась главной шоколадницей фабрики.

– Мне приходится пробовать каждую партию, вот уже и на фигуре начало сказываться, – попыталась пошутить Мария Ивановна Возова, которую сотрудники называли тётей Машей.

Максим кивнул ей, не улыбувшись на шутку, ещё не заслужили, и переключился на мозолившую ему глаза девицу.

– Виктория Владимировна, теперь мы слушаем вас и те проблемы, которые возникли с запуском новой линейки.

Зараза выждала несколько секунд, то ли справляясь с собственными эмоциями, то ли нарочно тянула время, обдумывая, что сказать.

Впрочем, объясняла она весьма толково. Даже Макс, сегодня впервые услышавший о проблемах фабрики, понял и проникся. Часть он мог решить, сделав несколько звонков, над некоторыми нужно было подумать. Но в общем Никитин не видел причин впадать в панику. И постарался донести это до новых подчинённых, прежде чем отправить их обратно на рабочие места.

Оставил только главбуха, хотелось просмотреть отчёты за последние несколько лет и выяснить, почему фабрика вовсе не выглядит процветающей, и когда это началось.

8

– Наш новый-то вроде ничего, а, Вик? – тётя Маша несильно толкнула меня плечом, но учитывая разницу в наших комплекциях, я всё-таки покачнулась.

– Не знаю, после первой встречи сложно делать выводы, – я равнодушно пожала плечами. Не рассказывать же им про суп, перцовый баллончик и как чуть не отдалась Никитину на заднем сиденье своей же машины.

– Я б тоже поостерёгся верить на слово, – поддержал меня Борис Евгенич. – Стелит-то он мягко, но с этими москвичами надо держать ухо востро. А то расслабимся, доверимся, а он возьмёт и снесёт фабрику, а на её месте построит какой-нибудь развлекательный центр.

– А мне он показался мальчиком серьёзным и ответственным, не зря наш покойный Андрей Иванович, царствие ему небесное, фабрику именно Максиму оставил, а не брату своему. – не унималась тётя Маша. – Да и с сырками он обещал помочь.

– Мало ли что он обещал, ещё ж не помог, – Галухин тоже не отступал. – А глаза вы его видели? Какие опухшие? Наверняка всю ночь по клубам шлялся. Не удивлюсь, если он алкоголик со стажем. От этих москвичей чего угодно можно ожидать.

Тут мне стало стыдно. Всё-таки непрезентабельная внешность у мажора именно благодаря мне, поэтому совесть не дала смолчать. Разумеется, обходя пикантные подробности.

– Я думаю, это у него от солнца, – когда несёшь такое, главное, выглядеть уверенно.

– Как от солнца? – не поняла тётя Маша.

– Ну он же за рулём долго ехал, наверное, очки забыл надеть. Солнце глаза слепило, вот они и опухли.

– Может, и так, – обрадовалась она новой версии.

Борис Евгенич промолчал, а я, не выдержав, всё же добавила.

– Или нет.

– Так, Вика, ты нас не путай! – возмутилась тётя Маша. – Пьёт он или не пьёт?

– Откуда я знаю? – пошла на попятный, но, кажется, было уже поздно, коллеги вступили в коалицию.

– А ты выясни, – предложил Борис Евгенич. – Ты девка видная, к тому же холостая. Пригласи его вечером в ресторан и посмотри, будет он пить и приставать к тебе или нет.

– Что?! – такого предложения я никак не ожидала, поэтому отреагировала весьма эмоционально.

– Не ори, Вик, – громким заговорщицким шёпотом поддержала его шоколадница. – Чего ты ерепенишься? Боря дело говорит. Должны ж мы знать, кого к нам занесло.

– Во-во, – с той же интонацией продолжил Галухин. – Вдруг ему и доверять нельзя. Мало ли, наобещает с три короба, а потом снесёт нашу фабрику и небоскрёбов тут понастроит...

– Ну какие небоскрёбы, Борис Евгенич? – попыталась воззвать я к здравому смыслу, но тщетно. Эти двое уже пришли в восторг от своей идеи, отмахнулись от моей попытки возразить и начали обсуждать, куда можно отвести нового начальника вечером.

– А куда у нас сейчас на свидания водят? – спросила тётя Маша, игнорируя меня, разведённого Галухина.

– Да я как-то так... в гости к соседке хожу... – Борис Евгенич вдруг засмутился, и его лысина приняла приятный глазу розоватый оттенок.

– Да, загвоздка, мы со своим уже лет тридцать пять никуда не выбирались, то дети, то огород, а теперь вот внуки пошли... – тётя Маша выглядела обескураженной, и я уж обрадовалась, что партийное задание отменяется, как вдруг Галухин нашёл решение...

– А я у девочек наших поспрашиваю, – обрадовался он. – Они-то молодые, наверняка с кавалерами где-то вечера проводят.

Я закатила глаза, эта идиотская, совершенно невозможная идея вдруг начала обретать совершенно реальные очертания. Надо срочно спасаться. А то и правда придётся куда-нибудь тащиться с мажором. А мне ну никак не хотелось оставаться с ним наедине, особенно после того, что произошло между нами на шоссе.

– Но я не хочу идти с ним на свидание, – попробовала зайти с другой стороны. – Он мне даже не нравится совсем.

– А это и не свидание, это спецоперация по выявлению тайных слабостей объекта, – у тётки Маши сейчас было такое выражение лица, что мне подумалось, не то направление деятельности она избрала. Вот ловила б шпионов на просторах нашей необъятной родины, глядишь, была бы уже майором или даже полковником.

Глаза Бориса Евгенича стали ещё больше. Видимо, его посетили те же образы – наша шоколадница со звёздами на погонах ведёт за шкирку поникшего шпиона.

А она окончательно вжилась в роль и начала раздавать команды личному составу.

– Так, Боря, мы с тобой сейчас в цех, к девочкам, а Вика – к Никитину.

– Зачем? – не поняла я.

– На свидание приглашать, – мягко, как несмышлёнышу, ответила тётка Маша.

– Вы же сказали, что это не свидание, – кажется, я пребывала в лёгком шоке, и информация в мозг поступала с опозданием.

– Но Максим-то этого не знает!

А-а, вот оно что. Наш мажорчик будет думать, что я пригласила его на настоящее свидание, со всеми вытекающими...

– Нет, я так не хочу, – даже сделала два шага назад, намереваясь трусливо дезертировать из зоны боевых действий.

Но Галухин своей массой перекрыл мне дорогу к отступлению.

– Не дрейфь, Вика, – его широкая лапища опустилась мне на плечо, слегка пригибая к земле. – Я сыновей своих подряжу, чтоб приглядели за вашей парочкой. Если руки распускать начнёт, Ванька с Митькой его быстро утихомячат.

Ну что ж, это немного успокаивало. Сыновья Галухина были такого же крепкого телосложения, как и он сам, разве что в силу молодого возраста не успели обзавестись такими же животами. Вроде как старший недавно на охоте кабана одним ножом уложил, поскольку ружьё отказало.

Ладно с такой богатырской охраной не страшно и на свидание с новым директором сходить. Хотя мне до сих пор не верилось, что я соглашаюсь совершить подобную глупость.

Детский сад, ей-богу.

Но остальные участники спецоперации, уже не обращая на меня внимания, отправились проводить рекогносцировку местности. А я, чертыхаясь про себя, двинулась в обратную сторону.

У двери директорского кабинета замерла. И как же я умудрилась в это влипнуть? Ведь даже согласия своего на эту авантюру не давала.

Вот прав был Андрей Иванович, нельзя давать подчинённым слишком много воли, а то они на шею тебе сядут...

Я сделала глубокий вдох и постучала.

9

Мне никто не ответил, и я решила войти. Вроде мажор только что был на месте. Отлучалась-то минут на пять, не больше.

Несильно толкнула дверь. Увиденную картину можно было бы назвать «Не ждали», потому что две пары покрасневших глаз настороженно воззрились на меня.

Первая пара пострадала ещё вчера. А вот вторая явно только что.

Судя по тому, что Галина Рафаиловна плакала, сидя за столом, а Никитин стоял у окна, он за что-то отчитывал главбуха.

Да и видно было по нему, что не в духе. Брови нахмурены, рот сжат в тонкую полоску, из глаз молнии сыплются. Одним словом – хорош мажор. Может, если б встретились мы при иных обстоятельствах, он мне и понравился. А так... первое впечатление уже составлено, не воротить.

– Что вам? – недружелюбно спросил он.

М-да, и второе впечатление от первого недалеко ушло.

– Э-э... – даже растерялась от его грубости. Но, как человек ответственный и привыкший решать поставленные перед собой задачи, даже самые сложные, продолжила. – Я бы хотела...

– Виктория Владимировна, вы видите, что я занят? – почти прорычал он.

Вот грубиян!

– Извините, – я закрыла дверь с другой стороны и показала ей неприличный жест.

За этим занятием меня застала Ленка, которой почему-то именно сейчас вздумалось вернуться в приёмную.

– Ты чего? – уставилась она на мою пантомиму.

– Ничего, речь репетирую, – огрызнулась я. – А ты где вообще была?

– В туалет ходила, а что? – Ленка отступила под моим напором. Ну вот я и нашла слабое звено, того, над кем можно отыграться за свои обиды и разочарования.

– У себя директор? – я кивнула головой в сторону кабинета.

– Э-э, да... – неуверенно ответила Ленка, ещё не понимая, какую каверзу я задумала.

– А он один?

– Э-э, да? – интонация здесь явно была вопросительной. Корабль тонул и просил помощи в виде правильного ответа. Но айсберг в моём лице был непреклонен и продолжал двигаться навстречу.

– А вот и нет, главбух там, у них интимная беседа по душам идёт, каждому, кто заглядывает, нос откусывают. Видишь, какая пипка осталась? – я показала ей свой нос.

Лена, не сразу разобрав сарказм, с любопытством выискивала изменения на моём лице. Затем дошло. Скуксилась и заняла своё рабочее место. Сделала вид, что увлечена составлением документа на компьютере. Ага, ещё одна картина маслом – «Секретарь за работой».

Ладно, она особо и не виновата. Каждый мог оказаться на её месте. Может, и зря я на Ленку выверилась. Теперь обижаться будет.

С этими размышлениями я двинулась в нашу столовую. До обеденного перерыва оставалось ещё десять минут. Но рабочего места, как и кабинета, у меня больше не было. Руководитель слишком занят, не спросишь. Остаётся только подкрепиться. В сытом теле – сильный дух. Или что-то вроде того.

Столовая уже была полна народу. Дело в том, что наша повариха Марина готовила вкусно, а цены были весьма демократичными. Да и Андрей Иванович не возражал, чтобы у нас питались не только сотрудники, но и члены их семей. Потом присоединились друзья, соседи и просто знакомые.

Марине приходилось готовить в два раза больше, и она взяла в помощницы одну из дочерей. Столовая приносила небольшую, но стабильную прибыль. Фабрика здесь реализовывала часть своей продукции.

А против посторонних здесь никто не возражал. Да и какие они посторонние? У нас весь город друг друга знает.

Охранник на фабрике, конечно, числился. Михалыч. Но он был уже столь преклонного возраста, что передвигался на полусогнутых ногах и при этом громко побряхтывал. У него было своё помещение, откуда выходил Михалыч редко, обычно на обед или покурить на солнышке.

Я выстояла очередь, взяла солянку, оливье с компотом и двинулась к столику у окна, за которым пока никто не сидел. Хотелось побыть одной и обдумать сложившуюся ситуацию.

Но стоило мне зачерпнуть красивого бульона с оранжевыми маслянистыми пятнышками, как мой стол окружили сотрудники фабрики. Оказывается, все уже знали, что вечером я иду на свидание с новым директором, и наперебой давали мне советы.

Постаралась с каменным выражением лица съесть несколько ложек супа, но вновь прибывающие теснили давно стоявших, и вскоре я была окружена плотным кольцом из доброжелателей, дававших ценные советы из рубрики «Как охмурить босса».

Смирилась с мыслью, что солянку придётся доедать остывшей, я отставила тарелку в сторону, чтобы сконцентрироваться на советах.

В этом было рациональное зерно. Моё последнее свидание случилось несколько лет назад. Оно было не слишком удачным и продолжения не имело. Затем у меня очень долго вообще отсутствовала пара. А потом я начала работать на фабрике, и у меня уже не было свободного времени. Иногда даже в выходные мы с Андреем Ивановичем ездили на выставки или подбирали оборудование. Личную жизнь я задвинула на неопределённый срок.

Конечно, у меня было платье на выход и туфли на каблуках. Причёску я сама соорудить уж как-нибудь сумею. Но вот когда я услышала, куда предлагается повести новоявленного кавалера, мне слегка поплохело.

– Нет, – категорически отказалась я, – никакой «Империи». Там слишком пафосно и дорого. А вдруг он потребует расплатиться пополам? Или вообще скажет, что это я его пригласила? Кто знает, как у этих москвичей принято...

Лишних денег у меня не было. Большинство из присутствующих помогли мне делать ремонт и праздновали в этой столовой новоселье. Да и моё финансовое положение секретом не было. Вообще, вся моя жизнь была как на ладони.

– Мы скинемся, – заявила участвовавшая в обсуждении свидания Ленка, которая уже сменила гнев на милость. Вот что мне в ней нравится – это её неумение долго обижаться по пустякам.

– Что значит «скинемся»? – напряглась я.

– А чего такого? – Ленка обернулась к народу. – С каждого по сто рублей не убудет, а Вика нового директора в ресторан сводит.

Над толпой раздался гул. Многие хотели бы поужинать в «Империи», а вот пожертвовать сто рублей на благое дело было как-то жалковато.

Кто-то предложил обойтись пятьюдесятью. На том и порешили. Ленка взялась составлять список скинувшихся, и толпа схлынула след за ней.

Я облегчённо перевела дух, снова взялась за ложку и окинула столовую взглядом. Прямо ко мне, ловко лавируя меж столиков и сотрудников, направлялся мажор. В руках у него был поднос с едой.

Ой, мамочки, он что, обедать со мной собирается? Сердце пропустило удар, а потом заколотилось в бешеном ритме.

От соседних столиков до меня начал доноситься свистящий шёпот, предупреждая об очевидном и продолжая раздавать советы:

– К тебе идёт, Вик... Вот сейчас и приглашай... Давай, мы рядом...

Я же почувствовала, как в горле встал ком, а ложка замерла где-то посреди пути от тарелки до рта. Где именно, я не видела, потому что не могла оторвать взгляда от приближающегося мажора, который тоже смотрел прямо на меня.

В мозгу светящимися неоновыми буквами пульсировала мысль, что мне сейчас нужно будет пригласить мужчину на свидание. А вдруг он откажется? Или снова нагрубит, как недавно в кабинете?

Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Вы позволите, Виктория Владимировна? – мажор замер у столика, ожидая моего ответа. О-о, он и так может разговаривать?

Я кивнула, продолжая движение ложки ко рту. На языке оказалась какая-то еда, вкуса которой я даже не почувствовала.

Никитин расположился напротив, снял тарелки с подноса. Я заметила, что он выбрал то же самое, что и я.

– Извините, что в кабинете так вышло, – вдруг заявил он, у нас с Галиной Рафаиловной была очень эмоциональная беседа, которую вы неожиданно прервали.

Кажется, я уставилась на него круглыми глазами. Он что, сейчас извинился? Мне не померещилось?

– Так что вы хотели мне сказать, Виктория Владимировна? – спросил он, как ни в чём не бывало поедая суп.

10

Прежде чем ответить, я тоже съела пару ложек солянки. Кажется, она всё-таки остыла, но сейчас это представлялось наименьшей из проблем.

Несмотря на то, что я усиленно разглядывала содержимое своей тарелки, прожигающий взгляд мажора ощущала. И когда уже стало невозможно дольше тянуть паузу, подняла на Никитина глаза. Он выжидательно приподнял брови. Я снова опустила взгляд, потом перевела в сторону. Из-за соседних столиков мне активно жестикулировали коллеги. Похоже, думали, что так они мне помогают.

Ну что же ты, Вика, что тут сложного? Просто скажи ему и всё.

– Э-э, Максим Сергеевич, я... э-э... хотела... э-э...

– И что же вы хотели мне сказать, Виктория Владимировна? – по голосу слышала – гад ухмыляется.

– Хотела спросить... – ну же! Давай, Вика! Ты сможешь! – Вы уже решили, где теперь будет располагаться моё рабочее место?

Вот же блин!

Подняла на него глаза и уставилась вопросительно. А ты что думал, на свидание тебя приглашу? Вообще-то, да, должна была пригласить, но не получилось. Ну не умею я, не женское это дело.

Мажор ненадолго задумался.

– А где вы работали, когда... дядя был жив?

– Занимала помещение по соседству. Но там сейчас... что-то вроде архива... – на самом деле, там, скорее, свалка, мы с Ленкой сложили в моём бывшем кабинете все не разобранные папки и старую технику. И чтобы разобрать всё это барахло потребуется пара месяцев. Минимум.

– Я только начал изучать дела, поэтому мне нужно, чтобы вы помогли первое время и постоянно находились под рукой. Думаю, лучше всего будет поставить вам стол в приёмной.

– Как секретарше? – уточнила я, начиная заводиться.

– Ну что вы! Мой секретарь – Елена Дмитриевна, а вы – управляющий фабрики. Я уверен, что дядя назначил вас на эту должность по уважительной причине.

Сволочь! Вот по глазам вижу, что насмехается надо мной. Этот мажор что, думает, я спала с Андреем Ивановичем? У-уу! Глаза мерзавцу выцарапаю, если посмеет произнести подобное вслух. Не произнёс. Повезло ему.

Но и сам намёк был неприятен. Я поняла, что не хочу никуда приглашать этого гада. И вообще, он мне не нравится.

Пусть вон Ленка с ним в «Империю» идёт или тётя Маша, это ж её идея была.

И всё равно я рассердилась. Стало очень неприятно. Поначалу, когда Андрей Иванович только назначил меня управляющей, думаю, многие считали, что я его любовница. И я работала в поте лица, по двенадцать часов в сутки, чтобы доказать, как они ошибаются.

Мне это удалось. Меня начали воспринимать всерьёз, прислушивались к моему мнению и выполняли распоряжения, хотя практически со всеми сотрудниками я сумела сохранить тёплые отношения. Мы вместе проводили праздники, помогали друг другу. Мы были большой дружной семьёй. Хотя, конечно, и у нас бывали ссоры и конфликты.

И вот теперь этот новый директор, перед которым нужно заново отстаивать свою репутацию.

– ... так вы согласны, Виктория Владимировна.

– Конечно, – отозвалась я, особо не вслушиваясь. Ведь он имел в виду стол в приёмной для меня.

– В таком случае встретимся вечером. – или всё же не стол?

– Где встретимся? – переспросила я, уже начиная понимать, что пропустила важную часть предложения.

– Думаю, будет лучше, если вы за мной заедете. Моя машина не приспособлена для езды по вашим дорогам, а другую мне пригонят только через несколько дней. Вы ведь не против?

– Конечно, нет, – вежливо отозвалась я, осознавая, что приглашение на свидание всё-таки состоялось, причём с мужской стороны. – С удовольствием заеду за вами.

– Тогда жду вас в восемь, – он назвал адрес и, собрав посуду обратно на поднос, поднялся из-за стола. – Спасибо за компанию и до вечера.

Он улыбнулся и ушёл. А я сидела пришибленная. Он сам позвал меня? По своей воле? Без принуждения? Что он хотел? Какую цель преследовал?

Ситуация усложнилась ещё больше. Одно дело, если бы я пригласила его на ужин в разведывательных целях. Это было бы вроде и не по-настоящему. Как сказала тётя Маша, спецоперация. А теперь что, у нас всамделишное свидание?

Погрузиться в непростые думы мне не позволили коллеги, которые, как только убедились, что Никитин покинул столовую, снова окружили мой стол.

Я отставила солянку в сторону. Всё равно она безнадежно остыла.

Меня хлопали по плечу, поздравляли, говорили, что молодец, как будто бы я не на свидание с новым директором собралась, а, как минимум, совершила нобелевское открытие в квантовой физике.

Как выяснилось, некоторые коллеги были не слишком уверены в моей решительности и даже спорили на то, что я испугаюсь и пойду на попятный.

И снова против меня играла моя непогрешимая репутация. То, что я несколько лет не встречалась с мужчинами, вовсе не значит, что и теперь откажусь. Может, я немного и нервничаю, но это совсем не мешает мне отлично выглядеть сегодня вечером и превосходно провести время.

Да, решено, сегодня буду на недостижимой высоте, чтобы доказать всем неверующим и одному заносчивому мажору, что я не просто управляющая фабрикой, но в первую очередь – женщина, достойная комплиментов и восхищённых мужских взглядов.

11

К восьми часам я была во всеоружии – восхитительна и прекрасна. И опасна для мужских сердец. Бледно-розовое шёлковое платье подчёркивало изгибы фигуры и оттеняло чуть смугловатую кожу. Я мазнула по губам розовым блеском и улыбнулась своему отражению. Глаза сверкали в предвкушении.

Берегись, мажор, я иду!

В 20:03 я вышла из дома. Конечно, я знала, что ехать до Никитина почти двадцать минут. Представляла, как он меня ждёт, нервно поглядывая в окошко, и чувствовала от этого какое-то извращённое удовлетворение.

На улице уже стемнело. Фонари поблёскивали жёлтым светом, отражаясь в многочисленных после прошедшего дождя лужах и опавших разноцветных листьях.

Я не спешила, приоткрыла окно, наслаждаясь влажной вечерней свежестью.

Коттедж, который арендовал Никитин, был окружён тьмой. Вроде бы это была ещё черта города. Но почему-то сюда не дошло ни электрическое освещение, ни асфальтовое покрытие.

Я почувствовала, как колёса проваливаются в многочисленные ямы, заполненные водой и жидкой грязью, поэтому ещё больше снизила скорость.

Фары выхватили «Астон Мартин», сиротливо съёжившуюся на обочине. Эта красotka с низкой посадкой в ближайшее время вряд ли сумеет отсюда выбраться.

Я остановила машину метрах в двадцати от крыльца и, пару раз нажав на сигнал, выключила двигатель. Мажора видно не было. Идти к дому и пачкать в грязи новые туфли не хотелось, поэтому я приготовилась ждать. Видимо, он так наказывает меня за опоздание.

Минут через пять я начала терять терпение, постоянно жала на гудок и уже жалела, что не догадалась спросить номер его телефона. Хотя стала бы я сама звонить мажору? Ответ родился в ту же секунду – да никогда в жизни! Я здесь не по своей воле, а исключительно потому, что меня заставили коллеги, которых я слишком люблю и позволяю из себя верёвочки вить.

Никитин мне совсем не нравится. Вот нисколько. Даже нисколочко.

И поцелуи его тогда, на шоссе были мне отвратительны. И, разумеется, я о них не думала, ни разу не вспоминала. И ни в коем случае мне не хотелось повторения. Брр. Даже представить подобное противно.

Я снова нажала на клаксон. Ну что он там, уснул, что ли? А вдруг ему плохо?..

Картинка с распластавшимся на полу бессознательным мажором быстро нарисовалась в мозгу. Я даже тряхнула головой, чтобы прогнать её.

Ещё раз подала сигнал и ещё, протяжный, долгий, громкий. Наконец открылась дверь, и на крыльце показался Никитин. Я не призналась бы и под пытками, но в этот момент испытала невероятное облегчение. Хотя если бы он совсем исчез с горизонта, это тоже было бы в некотором роде облегчением.

Я снова завела двигатель, одновременно с ним включились фары, осветив ярким светом мажора в светло-сером костюме и белоснежной рубашке. Хорош мерзавец. Никитин зажмурился и прикрыл лицо рукой. Затем махнул мне, требуя, чтоб я выключила фары и подъехала ближе.

Но я предпочла не заметить его властного жеста. Тоже мне нашёл девочку на побегушках. К тому же мне срочно понадобилось припудрить носик. Я достала косметичку и увлеклась процессом подправления макияжа, исподволь наблюдая за преодолевающим полосу препятствий мажором.

Несмотря на закрытые окна, я почти слышала, как он матерится сквозь зубы, перепрыгивая лужи и отряхивая дизайнерские ботинки от налипшей грязи. Ой, и как я могла не догадаться подъехать к самому крыльцу. Ай-я-яй. Какая ж я рассеянная.

Зло ухмыльнулась, предвкушая сегодняшний вечер. Всё-таки не зря я согласилась на это свидание. Хоть удовольствие получу.

Когда мажор наконец добрался до машины, я послала ему ослепительнейшую из своих улыбок.

– Добрый вечер, – совершенно не замечала нахмуренных бровей и недовольного взгляда.

– Добрый, – процедил он сквозь зубы, разглядывая забрызганные грязью ботинки и брюки.

– Могу посоветовать вам неплохую химчистку, – улыбнулась ещё шире, но добавила в голос сочувствия. Всё-таки мы находились в довольно тесном пространстве, ни к чему перебарщивать с издевательствами.

– Спасибо, – кажется, я слышала скрип зубов?

Мне нравилось играть с огнём.

Я собрала всю свою жизнерадостность и затараторила, не давая мажору прийти в себя, осознать вопрос и что-либо мне ответить.

– Предлагаю сначала в ресторан, а потом на экскурсию. Я, например, страсть какая голодная. Я вас отвезу в лучший ресторан города, «Империя» называется. Вам там обязательно понравится. Его ещё при Советском союзе построили. Повара до сих пор работают. Старая школа. Готовят так, что пальчики оближешь. А выбор алкогольных напитков – на любой вкус и цвет.

Скрип зубов стал отчётливее, перерастая в скрежет.

Мне всё больше и больше нравился сегодняшний вечер. К тому же я действительно проголодалась. Толком не пообедала из-за этого мажора, да и поужинать не успела – готовилась к свиданию. К счастью, в «Империи» и правда неплохо готовили...

Когда хотели порадовать посетителя. А если хотели огорчить, то клиент зарекался когда-нибудь подходить к «этой клоаке, по какому-то недоразумению называющейся рестораном». Но этим приёмом здесь пользовались редко, только если хотели навсегда отвадить какого-нибудь нахала.

Тем более повар Григорий Фёдорович, или дядя Гриша, как звала его я, был старым знакомым моей бабушки. И поклонником. Достаточно напомнить о себе, и он расстарается, чтобы я передала бабуле привет.

И если мажор будет плохо себя вести...

Хотя неважно, как он будет себя вести, я уже решила, что угощу его на славу. Он никогда не забудет ни шоссе, ни свою самоуверенную наглость.

12

Здание, в котором располагалась «Империя», было ярким представителем сталинского классицизма: высокие массивные стены, колонны в два человеческих обхвата. Да и название говорило само за себя.

Интерьер здесь обновляли в девяностые годы. И теперь внутри преобладали два цвета – багряный и золотой. По мнению дизайнеров – самые что ни на есть императорские цвета.

Монументальность и помпезность.

Одним словом, «Империя» не была моим любимым рестораном. Я предпочитала более уютные заведения.

Официант в белоснежной рубашке и тёмно-бардовом фартуке проводил нас к столику.

Мажор тут же отошёл в мужскую комнату.

– Лети, лети, голубок, – улыбнулась я ему вслед, – почисти пёрышки, а мы тут пока обсудим кой-какие нюансы в меню...

– Григорий Фёдорович сегодня работает? – спросила у официанта. Тот утвердительно кивнул. – Скажите ему, что Вика Шикова пришла, пусть выглянет ненадолго.

Юноша направился в сторону кухни, и я за ним следом.

Дядя Гриша вышел буквально через минуту. Он был высокий и плотный, хотя и не выглядел толстым. Когда-то тёмные волосы сейчас сплошь испещрила седина.

– Викуля, – он раскрыл для меня объятия, и я погрузилась в ароматы жареного мяса и пряностей.

– Здравствуйте, дядь Гриш, как поживаете? Бабуля вам привет передаёт, говорит, давно вы ей не звонили. Переживает.

Григорий Фёдорович смутился и немного покраснел. За моей бабушкой он ухаживал уже несколько лет. И раньше я надеялась, что они будут вместе. Но бабуля после смерти деда так и не смогла никого впустить в своё сердце. Даже дядю Гришу.

– Да что я-то, всё по-прежнему. Работаю сейчас в две смены. Умотался. Но обязательно позвоню, а лучше заеду, как выходные случатся. А ты что здесь делаешь? Одна? Или с подружкой?

– Я... э-э... со знакомым...

– О-о, Викуля, неужели наконец-то кавалера себе завела?! Поздравляю! И кто же он? – Григорий Фёдорович оглянулся на зал в поисках моего спутника.

Блин, иногда я жалела, что живу в таком маленьком городке, где все друг друга знают. Думаю, мне понравилось бы пожить там, где меня никто не знает, и не отвечать практически ежедневно на подобные вопросы.

– Нет, дядь Гриш, это новый директор нашей фабрики... Меня девочки попросили его в свет вывезти, покормить, выгулять и всё такое... – ну я же правду говорю, так всё и есть, почему тогда под внимательным взглядом шеф-повара «Империи» краснеть начинаю?

– Ну, директор, так директор, – он похлопал меня по плечу, – накормлю вас в лучшем виде.

– Э-э... дядь Гриш... У меня есть просьба... небольшая...

– Ну, говори, – он уже направился обратно на кухню и обернулся у самой двери.

– Нашему новому директору в жизни не хватает остроты, – я высоко приподняла брови и наклонила голову, объясняя скрытый подтекст своих слов, – очень не хватает.

– Вот как значит... – произнёс дядя Гриша с лёгкой вопросительной интонацией и посмотрел на меня с прищуром. – Не хватает?

– Очень-очень, – подтвердила я, показывая, что он правильно меня понял.

– Что ж он натворить-то успел, вроде ж сегодня только приехал? – усмехнулся Григорий Фёдорович и, не дожидаясь ответа, вернулся на кухню.

А я пошла обратно к столику. Настроение взлетело до небес. Я радовалась задуманной шалости как ребёнок. Нет, конечно, я не собиралась мстить мажору. Но вот слегка сбить с него спесь, на мой взгляд, совсем не помешало бы.

Вернулась я как раз вовремя и погрузилась в изучение меню. А через пару минут появился и сам Никитин.

Я окинула его взглядом. Ботинки сияли чистотой, а внизу брюки были чуть темнее. Замысел, значит. Меня почему-то удивило, что он такой педант и чистюля. И немного царапнуло. Может, потому что я сама была такой же? И не хотелось, чтобы этот нахал обладал схожими со мной достоинствами?

– Ты уже выбрала? – поинтересовался мажор, устраиваясь за столом.

– Ещё изучаю, ждала вас, Максим Сергеевич.

Он скривился официальному обращению и предложил:

– Давай выканье и имя-отчество оставим для офиса, а в неофициальной обстановке перейдём на «ты»? – затем добавил. – У нас уже и опыт есть...

Зря он это сделал. Не надо было намекать на то, что произошло между нами на шоссе. Я, может, только собралась отменить заказ дяде Грише. Но теперь уж ни за что не стану этого делать. Да и никакого неформального общения между нами быть не может. Я здесь исключительно по работе.

Ну и немного для удовольствия...

– Извините, Максим Сергеевич, но вы мой босс, и неформальное общение между нами недопустимо.

Я снова углубилась в меню, чувствуя пристальный изучающий взгляд. Если ты думаешь, что тебя сегодня ждёт десерт в виде меня, ты заблуждаешься, мажорчик. И не только сегодня. Тебе тут вообще ничего не светит. Тогда, на шоссе, я просто растерялась. И всё.

– Ладно, как скажете, Виктория Владимировна, – наконец произнёс он.

Я напряглась и подняла на него глаза. По тону чувствовала – что-то задумал. И мне это вряд ли понравится. Надо держать с ним ухо остро.

Наш поединок взглядов прервал официант.

– Вы уже определились?

– Да, я буду салат от шеф-повара, стейк средней прожарки и земляничный чай, – закрыла папку и протянула юноше.

– Мне то же самое, пожалуйста, – вдруг заявил мажор. – А на десерт нам принесите мороженого с кусочками фруктов и взбитыми сливками. Две порции.

– Я не буду десерт, – вскинулась, когда поняла, что он заказывает нам обоим.

– Две порции, – с нажимом повторил Никитин официанту и добавил, отпуская его. – Спасибо.

А когда юноша отошёл, сказал мне проникновенным тоном, от которого у меня по коже побежали мурашки:

– Уверен, вам понравится сегодняшняя ужин, Виктория Владимировна, и вы надолго его запомните.

13

Первым делом нам принесли чай. Большой чайник на двоих. Мажор отпустил официанта и, опередив меня, разлил ароматный горячий напиток.

– Ну, за наше выдающееся знакомство, – он приподнял свою чашку, предлагая чокнуться.

Я прикоснулась самым краешком, прислушиваясь к фарфоровому звону. Подняла взгляд на мажора, в его глазах плясали бесенята. Интересно, что у него на уме? Явно ведь что-то задумал.

Я решила не отвечать на подколку о знакомстве и отпила немного чая. В сумочке зазвонил телефон. Блин, бабушка. Что там ещё случилось?

– Извините, мне нужно ответить на звонок, – сообщила мажору, отходя от стола.

– Конечно, конечно, не переживайте, Виктория Владимировна.

Определённо, сейчас он мне не нравился ещё больше, чем прежде. Что же этот гад всё-таки задумал? Наверняка какую-нибудь пакость. О том, что пакость задумала и я сама, предпочитала не думать. Мне можно. Я же женщина, а у нас подобное случается. Иногда просто необходимо совершить что-нибудь эдакое, хотя бы для того, чтобы почувствовать себя лучше.

– Алё, бабуль, что стряслось? – я волновалась, всё-таки ей уже шестьдесят пять. Мало ли что может случиться. А бабушка – единственный родной человек, который у меня остался.

– Вика, мне только что звонил Григорий Фёдорович, сказал, ты его распекала за то, что редко мне звонит. Ну зачем ты так? Ты же знаешь, что он человек занятой, не надо ему на меня время тратить. Пусть жизнь свою устраивает. Чай не молодой уже.

– Бабуль, ты чего? – я даже опешила от такого напора.

– Викуся, ну как ты не понимаешь, ты же ему надежду ложную подаёшь. И ставишь меня в неловкое положение. Только он успокоился, остыл вроде, а теперь опять начнёт ко мне ездить...

Наверное, я в неё такая упрямая. Вот кажется, чего бы бабушке стоило поддаться на ухаживания дяди Гриши? Ведь у него хорошая квартира в центре города. Трёхкомнатная, вроде. С женой давно в разводе, дети выросли, разъехались. Он бы бабулю на руках носил, пылинки с неё сдувал, а она упёрлась и ни в какую.

– Извини, я не подумала... – что ж, опять не вышло устроить бабушкину жизнь. Я переживала, что не могу быть с ней, а она категорически отказывалась переезжать ко мне в однушку.

– Не подумала она... – судя по голосу, бабуля уже отходила, но ещё продолжала дуться. Самую малость. – А ты начинай уже думать и прекращай наконец сводничать.

– Хорошо, я больше не буду, – постаралась, чтобы это прозвучало покаянно.

– Ладно уж, ты про себя лучше расскажи. Почему я не знала, что ты с кем-то встречаешься?

– Я ни с кем не встречаюсь, – даже опешила.

– А кто с тобой сейчас в ресторане?

– Может, и правда не стоило подходить к дяде Грише?

– Бабуль, это наш новый директор, меня на фабрике попросили его в свет вывести, город показать, ну и разузнать, что он собой представляет.

– А зачем Гришка тогда кайенский перец толчёт в промышленных масштабах?

– Вот же мужики – сплетничают хуже баб. Ну зачем было всё пересказывать?

– Бабуль... э-э... понимаешь... – блин, что бы такое придумать? – Он просто любит всё острое. Сам мне сказал.

– Ну-ну, – бабушка всегда знала, когда я вру ей. И сейчас ни капли не поверила. – Ладно уж, иди к своему не кавалеру. Завтра позвони мне, расскажешь, как всё прошло.

– А почему не сегодня?

Она засмеялась и повесила трубку. Всё-таки у меня мировая бабуля. Будь она лет на сорок моложе, мы наверняка стали бы лучшими подругами.

Я вернулась за столик. Ужин уже принесли, но мажор не начинал без меня. Ждал. Воспитанный.

Я хмыкнула про себя. Ну и ладно. Всё равно он заслужил немного перчика. Опустилась на свой стул.

– Всё в порядке? – Никитин внимательно смотрел на меня, словно по выражению лица пытался прочесть, с кем я разговаривала.

– Да, спасибо, всё хорошо. Это бабушка, она иногда проявляет чересчур много заботы, – улыбнулась и взяла чашку с чаем. Очень хотелось пить.

Мне показалось, или на лице мажора промелькнуло облегчение? И какая ему вообще разница, с кем я говорю по телефону? Надо было соврать, что бойфренд звонил, и посмотреть, как Никитин отреагирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.